

Наконец, отмечается некоторое снижение в ответах доли вопросительных, отрицательных и неопределенных местоимений. В сумме они составляют 3,93 % местоименных вставок по сравнению с 9,27 % в оригинальном тексте. Данная особенность объясняется уже указанной психологической причиной: испытуемые стремились конкретизировать текст, актуализировать его содержание, а указанные разряды местоимений по своей природе не способствуют этому. Можно даже утверждать, что сама методика эксперимента (формулировка задания, условия его выполнения) оказывалась не вполне объективной по отношению к перечисленным разрядам слов; это подтверждает выдвинутый тезис о многообразии речевых функций местоимений.

В данном контексте стоит специально упомянуть об одном из факторов, влиявших на угадываемость местоимений испытуемыми. Если в оригинальном тексте рядом находились два местоимения, то в экспериментальном, соответственно, «сталкивались» два пробела. И это создавало дополнительные трудности для участников эксперимента. (Большая часть незаполненных пробелов — тип 9 по нашей классификации, см. таблицу 1 — приходится именно на данный случай.) Очевидно, что здесь наряду с общепсихологическими факторами (неопределенность какой-то части отражаемой ситуации как бы возводилась в квадрат) действовали и собственно синтаксические: испытуемые не получали обычной помощи от заданной структуры фразы, ибо какие-то ее позиции оставались неизвестными, а сама модель — неопределенной.

В целом же экспериментальное исследование местоимений позволяет полнее описать их функции и то место, которое они занимают в структуре русского языка.

¹ См.: Реформатский А. А. Введение в языковедение. М., 1967. С. 69—70.

² См., например: Виноградов В. В. Русский язык. М., 1972. С. 255 и далее. Зарецкий А. И. О местоимении // Русский язык в школе. 1940. № 6. С. 22; Левицкий Ю. А., Шамова Т. А. Указатели ситуации местоимения. Пермь, 1985. С. 12—13 и др.

³ См.: Большова Ю. В. О синсемантической местоимений // Проблемы семантики. М., 1974. С. 156—157.

М. О. ЛОЙКО

КАТЕГОРИЯ ИНТЕНСИВНОСТИ И АКТИВНОСТИ

Понятийная категория активности/неактивности в высказываниях, где функцию предиката выполняют имена прилагательные, обладающие признаком в большой степени (интенсивности), отражает тот факт, что типовым ее соответствием в строе языков является подлежащее, выраженное именительным падежом. С точки зрения выделения категориальных значений на основе синтаксических связей в рамках отдельного высказывания подлежащее обычно отождествляется с понятием субъекта. Помимо формы именительного падежа субъект соотносится и с другими средствами выражения, например, с винительным падежом в пассивных конструкциях, дательным падежом в безличных структурах. Следствием указанного положения является различное синтаксико-семантическое содержание субъекта. Он воспринимается то как носитель признака (состояния), то как активно действующая сущность. Разграничение этих значений определяется в большой мере наличием в структуре объекта и его категориально-семантической принадлежностью.

Высказывания, не имеющие в своей структуре объекта, указывают на состояние, в котором находится лицо, представленное в субъективной позиции. Состояние представлено как существующее независимо от воли, усилий со стороны субъекта. Объективным доказательством отсутствия сознательной воли субъекта с целью поддержания предикативного признака является несочетаемость предикатов с выражениями, ука-

зываются на усилия. Следует отметить, что такие предикаты встречаются во многих языках, однако это не значит, что субъект является неактивным. В данном случае предикат входит в противопоставление зависимости/независимости признака от сознательной воли субъекта.

Характерно, что предикаты, у которых субъект выступает неактивным носителем признака в форме дательного падежа и производным предикативным наречием, служат основой для обозначения активного признака. Это проявляется в употреблении их с инфинитивом. В результате распространения инфинитивом предикат обозначает состояние, сопровождающееся действием (ср.: (польск.) *Jemu było trudno przekopać słuchaczy.*) С семантико-грамматической точки зрения здесь происходит снятие противопоставления между формами именительного и дательного падежей субъекта (*on — jemu, ja — mi*). Сочетаясь с инфинитивом, структуры участвуют в выражении признака, сопровождающегося действием субъекта, независимо от его воли, желания. Это влечет за собой также нейтрализацию маркированных и немаркированных форм предиката (*trudny — trudno*). Такие конструкции являются аналогами русских безличных с дательным субъекта. Они используются для выражения признака, сопровождающегося действием субъекта, и в английском языке. Однако количество предикатов с дательным субъекта незначительно. Подобный тип функционирования неспецифичен для английского языка, что, видимо, объясняется неодинаковыми возможностями трансформации подлежащего.

Предикаты интенсивности признака с показателем активности определяются как возможность осуществления некоторого действия субъектом в силу внешних обстоятельств. Тогда противопоставление по зависимости/независимости от сознательной воли субъекта содержит смысловую нагрузку, обозначающую «чужую волю», обращенную на субъект. Специфика этого признака выявляется с учетом точки зрения автора высказывания, говорящего, который воздействует на волю субъекта, и с его точки зрения устанавливается для субъекта целесообразность или необходимость действия.

Проявление воли говорящего в высказывании, побуждение другого лица к выполнению какого-либо действия или к изменению состояния связано с особым типом предложения — побудительным (императивным). Выражение побудительного типа морфологизировано в глагольной системе в формах повелительного наклонения. Этим формам присущ широкий диапазон побудительных значений: просьба, приказ, требование, разрешение, совет, предположение или запрещение, просьба не делать чего-либо¹. Эти частные значения являются вариантами грамматического значения побуждения.

Основное значение повелительного наклонения с предикатами интенсивности следует определять не как прямое побуждение субъекта к действию, а приказание, пожелание и т. д., осуществление которых зависит не столько от воли субъекта, сколько от ряда внешних обстоятельств. Выражая волеизъявление относительно реализации признака в действии (или его прекращения), говорящий здесь исходит из того, что субъект может его выполнить при наличии определенных условий. Поэтому повелительная форма характеризует потенциальные возможности субъекта, которые служат к их побуждению.

Примечательно, что и в английском языке употребление форм повелительного наклонения, осложненных различными субъективнооценочными значениями, не ограничивается от значения повеления. «Императив, — как пишет Д. А. Штелинг, — относится к сфере непосредственного общения, волеизъявления, где объективное и субъективное выступают слитно, в единстве»². Ср.: «*But be careful. Please be careful. And be more than ever careful if he smiles*» (Green). Здесь повелительная форма осложняется частными значениями предупреждения, предостережения со стороны говорящего. Это предложение в целом можно интерпретировать сле-

дующим образом: тот, о ком идет речь, вынужден быть внимательным против своей воли, потому что ему велят поступать так.

Реальный исполнитель представлен глагольной формой **будь, будьте**; (польск.) **bądź, bądźcie**; (англ.) **be**, указывающей на 2-е лицо ед. или мн. числа. Кроме того, категории лица, рода и числа отмечаются грамматически во флективных языках, в том числе и польском, личными окончаниями предикатов (*okrutna* — *okrutny* для женского и мужского рода, им. падежа), падежными формами указательных местоимений, которые могут определять имя прилагательное в предикатной функции. Ср.: «*Nie bądź taka okrutna*», — *powiedział Janek*» (*Iwaszkiewicz*). В английском языке форма глагола *be* и предикатив не дифференцируют исполнителя действия по грамматическим значениям рода и числа. Они вытекают из всего контекста или могут осуществляться с помощью обращения.

Существенно подчеркнуть преобладание отрицательной формы повелительного наклонения для предикатов интенсивности. Это объясняется тем, что признак, реализуемый в действии (отклоняющийся от нормы), оказывается с точки зрения говорящего неуместным, безосновательным. Преобладание этих конструкций может быть дополнительным доказательством в пользу того, что формы с отрицанием еще в большей мере подчеркивают активные действия субъекта.

Интересны случаи использования форм повелительного наклонения с предикатами интенсивности признака, на которые накладываются различные экспрессивные значения угрозы, псевдопобуждения. Ср.: (польск.) *Tylko spróbój.! Ja ci pokaże, jeżeli.! «Tylko nie myśl, że jestem zazdrosna»* (*Iwaszkiewicz*). Форма повелительного наклонения употребляется в 1-м и 3-м лице ед. числа и в 3-м лице мн. числа. Она состоит из частиц *tylko, niech* и соответствующей личной формы глагола. Аналогичные конструкции имеются и в русском языке³. Английский язык для выражения подобных значений использует личное местоимение *you* в качестве обращения, чтобы подчеркнуть пренебрежение, категоричность, грубость. (Ср.: **You be careful**).

Особенности предикатов интенсивности признака в формах повелительного наклонения состоят в разнообразии модальных средств для выражения оценки признака, реализуемого в действии. Выражение модального отношения субъекта к своему действию или модально-оценочное отношение к действию со стороны говорящего представлены словами волеизъявления, модальными словами, специальными конструкциями. Основанием этого служит транспозиция предикатов в повелительном наклонении в структуры с глаголами волеизъявления, долженствования. (Ср.: (польск.) *chcieć, pragnąć, żądać, trzeba, móc, musieć; Piotr pragnie (chce) żeby Anna nie była taka okrutna*). В английском языке соответственно употребляются глаголы, семантика которых обозначает просьбу, приказание или обещание (*to ask, to order, to persuade*), модальные глаголы *can, could, may, must* (в значении возможности, вероятности, необходимости и др.). Ср.: **Be careful — You must be careful**. В английском языке для выражения модально-оценочного значения активного признака используются структуры, называемые сложным дополнением (*Complex Object*).

В целом, лексико-грамматические особенности предикатов интенсивности состоят в разнообразии модальных средств для выражения оценки признака, реализуемого в действии, что находит подтверждение в сопоставляемых языках.

Для разграничения категории активности/неактивности в рассматриваемых высказываниях весьма важными являются глагольные параметры. В частности, многие имена прилагательные, выступающие в функции предиката, соединяют в себе событийное значение объекта и процессуальное значение действия, направленного на этот объект. Способность предикатов интенсивности сочетаться с объектом, выраженным именем существительным событийного или абстрактного значения, можно рассматривать как свидетельство того, что предикат имеет значение активно-го признака.

Можно, однако, заметить, что такие категории, как лицо/нелицо, конкретность/абстрактность, существенны для различения признака активности/неактивности в высказываниях. Это обнаруживается в формально тождественных структурах, но разных с содержательной точки зрения. Сравним следующие предложения и их трансформации в пассивную конструкцию. Одной из особенностей преобразования рассматриваемых предложений в пассивную структуру является семантическая связь предиката с глаголом (ср.: (польск.) *zdeenerwowany — denerwować się; znudzony — nudzić się; rozgniewiony — gniewać się*). *Kolega nudzi brata* → *Brat jest znudzony kolegą; Książka nudzi brata* → *Brat jest znudzony książką*. Первое предложение может быть преобразовано в конструкцию: *Brat nudzi kolegę*, а второе не допускает подобной трансформации: **Brat nudzi książkę; *Książka jest znudzona bratem*. Предметное имя *książka* в позиции субъекта в именительном падеже не обозначает деятеля. Предметные имена являются объектом человеческой деятельности или каузаторами действий. Имена лиц в позиции субъекта обозначают действующего субъекта или в пассивных конструкциях субъект является носителем признака. Поэтому категориально-семантическая принадлежность объекта и предопределяет его семантико-синтаксическое назначение. В вышеприведенных примерах субъекты представлены одной формой именительного падежа, но различаются по значению (активный/неактивный).

Категория активности/неактивности в высказываниях с предикатом интенсивности признака представлена в скрытом виде. Например, для русского языка соответствующие трансформационные преобразования в пассивную структуру менее существенны по сравнению с польским. Это, видимо, обусловлено тем, что большинство имен прилагательных, заключающих признак в большей степени, на -н-, -т- утратили семантическую связь с глаголом. По-видимому, можно говорить о более формально-грамматическом характере категории активности/неактивности в польском языке по сравнению с русским. В польском языке образование форм страдательного причастия на -п- и -т- отличается регулярностью.

Случаи семантического отличия польского и русского языков в высказываниях по признаку активности/неактивности с точки зрения глагольной обусловленности/необусловленности можно проиллюстрировать с помощью словосочетаний. Польский язык характеризуется более широким кругом имен прилагательных, функционирующих в предикатной функции, способных управлять объектом. Подобно глаголам они имеют предложно-падежную систему управления, что указывает на их способность принимать объект как характерную черту, сближающую синтаксические свойства данных предикатов с синтаксическими формами глаголов. (С.: *chciwy sławy, żądny władzy, śmiały na (wszystkie) niewygody, chętny do pracy*.) Такие словосочетания реже встречаются в русском языке, чем в польском³.

Для различения противопоставления активность/неактивность в сфере категориально-семантической принадлежности объектов для таких предикатов могут использоваться трансформационные преобразования с глаголом «вызвать» (ср.: (польск.) *Piotr jest czuły na oklaski* → *Oklaski budzą czułość u niego*). Имена лиц в объектной позиции не могут быть причиной действия. С этим связаны ограничения на использование трансформационной фразы: *Piotr jest czuły dla matki* → **Matka wywołuje czułość*.

Следовательно, семантическое своеобразие предикатов интенсивности по противопоставлению активность/неактивность определяется в большей мере категориально-семантической принадлежностью объекта.

Нельзя не отметить еще одну, не менее важную особенность категории активности/неактивности в рассматриваемых высказываниях. За этой категорией находятся и другие признаки, близкие к ней, это категории непостоянности/постоянности признака, нестатичности/статичности. Значение активности связано с непостоянным нестатическим признаком. Это

определяется на основе сочетаемости со связочными глаголами и лексическими элементами, характеризующими скорость протекания признака. (Ср.: (русск.) **вдруг, внезапно**; (польск.) **gwałtownie, nagle, natychmiast**; (англ.) **suddenly, quick**). Этот признак в английском языке выражается и глагольными формами, например, Continuous forms. Субъект в таких высказываниях различается по семантическим компонентам произвольности/непроизвольности.

Итак, категория активности/неактивности в высказываниях с предикатом интензивности признака взаимосвязана с другими категориями. В сравнительном плане она отражает наибольшие расхождения в области морфологии, а в синтаксисе и семантике выявляется много сходных черт.

¹ См.: Володин А. П., Храковский В. С. Семантика и типология императива. Л., 1986.

² Штелинг Д. А. О грамматическом статусе повелительного наклонения // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1982. Т. 42. № 3. С. 270.

³ См.: Булыгина Т. В. К построению типологии предикатов в русском языке // Семантические типы предикатов. М., 1982.

⁴ См.: Молошная Т. Н. Адъективные словосочетания в славянских и балканских языках. М., 1985. С. 87 и др.

А. А. ШАРАПОВ

АСПЕКТЫ ТАКСОНОМИИ И ЗНАЧЕНИЕ МНОЖЕСТВЕННОСТИ

Семиологически правильно построенная таксономия конкретного языка должна отвечать условию, при котором, «зная описание слова, мы должны увидеть место слова в системе, и, напротив, зная место слова в системе, заключить о содержании описания слов»¹.

Но если содержательно таксономический ряд формируется на основе разного номинативного объема своих единиц — лексем, то его формальное закрепление протекает в конкретных морфологических, словообразовательных структурах данного языка. В этой связи и возникает вопрос о возможности (или невозможности) выделения класса морфологических критериев в качестве определенных индексов, которые указывали бы на место данной лексемы в той или иной таксономической группе. Естественно, что подобные аналогии, если они будут обнаружены, должны рассматриваться в рамках морфологических особенностей конкретного языка, как присущие только этому языковому строю и, более того, отдельным таксономическим классам, а не всему лексикону в целом.

Лингвистические исследования последних лет выявляют в этом отношении ряд интересных фактов. Так, опираясь на известный закон Ципфа, гласящий, что наиболее часто употребляемые слова, т. е. слова базисного уровня языка, обладают простым морфологическим строением, а также используя результаты исследования так называемой обыденной таксономии folk taxonomy, специалисты обнаружили определенные аналогии между степенью морфологической сложности (отнесенности к определенному грамматическому роду) конкретной лексемы и ее местом в данной таксономической группе².

Например, в таксономическом ряду современного английского языка (furniture «мебель», chair «кресло», table «стол», sofa «диван») наибольшим номинативным объемом обладает лексема furniture, которая по отношению к таким лексемам, как chair, table, sofa, выступает совокупным понятием, занимая тем самым в иерархической структуре высший уровень, в то время как остальные лексемы образуют так называемый базисный уровень этой таксономической группы.

Подобная содержательная иерархия закрепляется и на морфологическом уровне, где показателем уровня лексемы выступает степень ее морфологической, словообразовательной простоты или сложности. Так, лексема более верхнего таксономического уровня furniture оказывается и бо-